В СМОЛЕНСКІЙ

НАЕДИНѢ

ВТОРАЯ
КНИГА
СТИХОВЪ

Парижъ

„РУССКІЕ ПОЭТЫ"

Выйдутъ въ этой же серіи въ теченіе 1938 года сборники стиховъ слѣдующихъ авторовъ:

2. ЗИНАИДА ГИППІУСЪ
3. К. ТЕРАПІАНО
4. ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ
5. КЕЛЬБЕРИНЪ
6. МАРИНА ЦВѢТАЕВА
7. ПОПЛАВСКІЙ
8. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ
9. ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ
10. ГИНГЕРЪ А. С. — «Жалоба и торжество»
11. АМАРИ (М. ЦЕТЛИНЪ)
12. АЛЛА ГОЛОВИНА

Складъ изданія:

«ДОМЪ КНИГИ»

9, rue de l'Eperon, PARIS 6e.

Борису Дaеву

дружески

Влад. Смоленский

19. 3. 38

Париж.

СЕРІЯ

„РУССКІЕ ПОЭТЫ"

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Настоящій сборникъ изданъ въ количествѣ двухсотъ экземпляровъ, изъ которыхъ двадцать экземпляровъ пронумерованныхъ отъ 1 до 20 въ продажу не поступаютъ.

№

ВЛАДИМІРЪ СМОЛЕНСКІЙ

„НАЕДИНѢ“

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

«СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»
ПАРИЖЪ

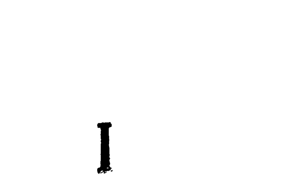
**
*

Нѣтъ тебя счастливѣй на землѣ,
Нѣтъ свѣтлѣй, спокойнѣй и печальнѣй
Труденъ путь, но близокъ берегъ дальній,
Онъ уже свѣтлѣетъ въ полумглѣ...
Нѣтъ тебя счастливѣй на землѣ.

Ты какъ уголь въ тлѣющей золѣ,
Ты какъ вѣрность свѣтишь сквозь измѣну,
Вѣрную всему ты знаешь цѣну,
Знаешь все о нищетѣ и злѣ —
Нѣтъ тебя несчастнѣй на землѣ.

На плечѣ высокомъ — на крылѣ,
Непосильную доносишь ношу,
Сквозь толпу торгующихъ святошей,
Каждый въ сердце — по тупой иглѣ,
Каждому завидно — на крылѣ.

Ты одинъ и нѣтъ тебя межь ними
Беззащитнѣй и непобѣдимѣй.

I

**
*

Отъ безсмысленныхъ дней, отъ безсонныхъ ночей,
Отъ земной темноты, отъ небесныхъ лучей,
Отъ любви, что темна, отъ тоски, что свѣтла,
Отъ свободы, летящей звеня какъ стрѣла,
Отъ безсмертныхъ стиховъ и отъ смертныхъ людей
Стало сердце звѣзды ледяной тяжелѣй.

Обжигая меня, убивая меня,
Посылая снопы ледяного огня,
Въ неподвижномъ, безсмертномъ, безжизненномъ снѣ,
Ледяною звѣздою сіяетъ во мнѣ,
И проснуться нельзя и нельзя умереть,
Только вѣчно сгорать, только вѣчно горѣть.

***

Никакими словами, никакими стихами,
Ни молчаньемъ, ни крикомъ — ничѣмъ
Не разскажешь о томъ, что ты слышишь ночами,
О томъ, что закрытыми видишь очами,
Когда неподвиженъ, и нѣмъ,
И глухъ, ты лежишь, какъ въ могилѣ, въ постели
На грани того бытія,
И въ темномъ, надземномъ, надзвѣздномъ предѣлѣ,
Надъ жизнью и смертью, безъ страха, безъ цѣли
Душа пролетаетъ твоя.
Никому не разскажешь ни словомъ, ни взглядомъ
И самъ никогда не поймешь,
Міръ другой, что встаетъ надъ сіяющимъ хладомъ,
Жизнь другую, которую чувствуешь рядомъ,
Жизнь — которой полъ жизни живешь.

* *
*

Пиши стихи, за это ты
Безсмертнымъ послѣ смерти будешь,
Твои истлѣвшія черты
Живыми будутъ помнить люди.

Слова, сводившія съ ума,
— О, какъ отъ словъ бываетъ больно! —
Они повторятъ, и весьма
Останутся тобой довольны.

Высокіе нахмуривъ лбы
Надъ пожелтѣвшими листами,
Твоей любви, твоей судьбы
Коснутся жадными перстами.

А ты въ землѣ, а ты на днѣ,
Холодный, страшный, недвижимый,
Въ ненарушимой тишинѣ
И въ пустотѣ ненарушимой,

Отдалъ бы, если бъ только могъ,
За мигъ одинъ, за каплю свѣта,
За вздохъ одинъ — за слабый вздохъ —
Все жалкое безсмертье это.

***

Разбрасывать и собирать слова,
Уже почти безъ смысла и значенья
Уже безъ страсти и безъ вдохновенья,
Уже безъ боли и безъ торжества.

И почеркомъ разборчивымъ вписать
Въ тетрадь еще пять, шесть короткихъ строчекъ,
И не забыть ни запятыхъ, ни точекъ.
Перечитать и отложить тетрадь.

Изнемогая въ медленной борьбѣ,
Гдѣ побѣдить и незачѣмъ и нечѣмъ,
Все больше горбить сгорбленныя плечи,
Все равнодушнѣй думать о себѣ

И о другихъ. Такъ, продолжая жить
Уже съ полузакрытыми глазами,
Почти непогрѣшимыми словами
Научишься о жизни говорить.

**
*

Смотри не отрываясь — дни и ночи,
На небеса, на землю, на людей,
Вѣдь каждый день прошедшихъ дней короче,
Ночей прошедшихъ эта ночь темнѣй.

Еще прозрачны дни, а ночи звѣздны,
Но слышишь скрипъ уже подгнившихъ скрѣпъ? —
Дыши, дыши, пока еще не поздно,
Смотри, смотри, пока ты не ослѣпъ,

На звѣзды, на людей идущихъ мимо,
На все твое, что станетъ не твоимъ,
Вѣдь даже боль твоя неповторима,
Вѣдь даже смертный часъ невозвратимъ.

**
*

Ты прожилъ жизнь — а каждый годъ какъ вѣкъ —
Ты зналъ любовь, и боль, и вдохновенье,
Ты сталъ уже почти не человѣкъ,
Уже почти мертвецъ, почти видѣнье.

Ужъ нѣтъ различья яви и мечтамъ,
Равно ничтожны рабство и свобода,
Ты тяжело восходишь къ высотамъ,
Откуда нѣтъ возврата, нѣтъ исхода.

Ты на краю земли. — Какая тишь,
Какая тьма. Ты руки поднимаешь
— О, какъ онѣ прозрачны! — Ты летишь,
Ты падаешь, ты умираешь.

**
*

Въ томленіи смертномъ, на смятой постели,
Хрипя, задыхаясь, томясь
Отъ боли и страха... Но ангелы пѣли
Надъ комнатой душной кружась.

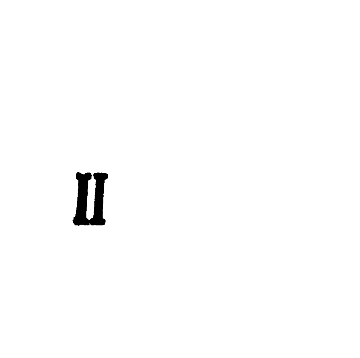
Никто ихъ не видѣлъ, и пѣнья не слышалъ
— Всѣ знаютъ, что ангеловъ нѣтъ —
Томилась душа и стонала все тише,
И гаснулъ за окнами свѣтъ.

Но ангелы пѣли, кружась надъ душою,
Цѣлуя запекшійся ротъ,
О вѣчномъ блаженствѣ, о вѣчномъ покоѣ,
О славѣ надзвѣздныхъ высотъ.

*
* *

Наединѣ съ самимъ собой
Безсонницей томлюсь и снами,
Безсмыслицу зову судьбой,
А жалобу и боль — стихами.

И жду, когда придетъ разсвѣтъ,
Который больше не разбудитъ,
И знаю, что спасенья нѣтъ,
И вѣрю, что спасенье будетъ.

II

**
*

Въ полночный часъ, когда луна,
Дрожа отъ холода и боли,
Въ голубоватомъ ореолѣ
Всплыветъ у твоего окна,

Когда дрожащіе лучи,
Раскалены небеснымъ хладомъ,
Безшумно поплывутъ въ ночи,
Чуть слышно зазвучатъ надъ садомъ,

Тогда, сквозь сонъ и тишину,
Въ глухой тоскѣ, въ тревогѣ давней,
Ты тихо подойдешь къ окну,
Тяжелыя раздвинешь ставни,

И выходя изъ темноты,
Тропою незамѣтной глазу,
Ни разу не качнешься ты,
Нога не соскользнетъ ни разу;

Съ протянутой впередъ рукой,
Тяжелый, медленный и спящій,
Почти летѣть надъ темнотой
Ты будешь въ тишинѣ звенящей.

Пока, изъ ледяныхъ пустотъ
Изъ гулкаго, земного мрака,
Не закричитъ, не запоетъ
Какой нибудь ночной гуляка. —

Качнувшись, дрогнетъ вышина
И поползетъ, и свѣтъ потухнетъ,
И тяжело какъ камень рухнетъ
На камни мертвая луна.

СТИХИ О ЗВѢЗДѢ.

Гори, гори въ туманѣ бѣломъ,
Въ туманѣ ледяномъ гори,
Летящимъ и горящимъ тѣломъ
Недвижный сумракъ озари.

И въ тѣсную мою темницу,
Летя по тѣснымъ небесамъ,
Сквозь узкое окно, какъ птица,
Слетай ко мнѣ по вечерамъ.

Плывя надъ холодомъ и тлѣномъ,
Недостижима и близка,
Скользи, кружась, по пыльнымъ стѣнамъ,
По низкимъ сводамъ потолка,

Чтобъ могъ я, обжигая руки,
— О, на мгновеніе всего! —
Въ сладчайшей и легчайшей мукѣ
Коснуться тѣла твоего.

**
*

Расцвѣтаетъ любовь надъ болѣзнью и надъ нищетой,
Надъ безсильемъ и ложью, надъ сномъ, надъ усталыми
днями,
Расцвѣтаетъ надъ жизнью, прекрасной и темной мечтой,
Обвиваясь вкругъ сердца, впивается въ сердце корнями.

Надъ твоею душой, надъ дыханіемъ труднымъ твоимъ,
Надъ пустыми словами, надъ лирою глухо звенящей,
Расцвѣтаетъ, цвѣтеніемъ бѣлымъ и легкимъ, какъ дымъ,
Разгораясь надъ сердцемъ, надъ міромъ сіяньемъ дро-
жащимъ.

Прорастающій стебель пронзаетъ насквозь бытіе,
О, смертельное счастье, о, бѣдное сердце твое!

**
*

Огромный міръ объятый мглой и сномъ,
Гдѣ ни начала, ни конца не зная,
Мы, задыхаясь въ тѣснотѣ, живемъ
О счастьи и безсмертіи мечтая.

Онъ скуденъ, тлѣненъ и неразрушимъ.
Закрой глаза — есть міръ иной надъ нимъ.

Въ которомъ ты — полночная звѣзда,
Застывшая въ сіяньи и молчаньи,
Въ которомъ я — прозрачная вода,
Въ которой отражается сіянье.

Надъ міромъ этимъ — міръ совсѣмъ иной,
Совсѣмъ прозрачный и совсѣмъ простой.

*
**

Семь буквъ, три слога, слово, имя — ты,
Сіянье изъ небесной темноты.

Семь буквъ, какъ цѣпь стальная — не порвать,
Семь буквъ, до смерти ихъ не дописать.

Три слога, три крыла, взметая прахъ,
Какъ вѣтры пролетаютъ въ небесахъ.

Одно простое слово, но оно
Какъ уголь до бѣла раскалено.

* *
*

Какъ высказать тебя, любовь?
Какимъ молчаньемъ, крикомъ, пѣньемъ,
Иль бредомъ, иль стихотвореньемъ,
Съ какимъ безумнымъ напряженьемъ,
Пытался и пытаюсь вновь...
Какъ высказать тебя, любовь?

Какія темныя слова
Ждутъ своего преображенья,
Какое испытать томленье,
Какое пережить мгновенье
Чтобъ только намекнуть едва?
Какія темныя слова!

Что надо знать, какъ надо жить,
Чтобъ словъ чудеснымъ сочетаньемъ,
Чтобъ звука тайнаго звучаньемъ,
Однимъ огнемъ, однимъ дыханьемъ
Тебя съ собой соединить?..
Что надо знать, какъ надо жить!

***

Если ты любишь кого-нибудь больше себя,
Если ты вѣришь кому нибудь такъ, какъ себѣ,
Если въ отвѣтъ никогда не любили тебя,
Если солгали, и лгали, и лгали тебѣ, —

Рано иль поздно, объ этомъ узнаешь и ты,
Рано иль поздно, — о, если-бъ ты могъ не узнать! —
Остановится сердце, окаменѣютъ черты,
И прозрѣютъ глаза, и уже не сомкнутся опять.

Можешь тогда ты того человѣка убить,
И Господь не осудитъ тебя и душа не осудитъ,
Можешь тогда ты того человѣка простить,
Но еще тяжелѣе тебѣ послѣ этого будетъ.

Потому что убивъ, ты не сможешь его позабыть,
Потому что простивъ, ты не сможешь его разлюбить.

О тяжеломъ, неизбывномъ горѣ,
О безвыходномъ, непоправимомъ,
О своемъ безсильи и позорѣ,
О тоскѣ ползущей чернымъ дымомъ,

Никому не скажешь, скроешь, спрячешь,
И въ ночи, въ невыносимой мукѣ,
Ты до крови искусаешь руки,
Чтобъ никто не слышалъ, какъ ты плачешь.

*
* *

Не плачь, не плачь, всё это сонъ и бредъ —
И ты, и я, и этотъ тусклый свѣтъ.

И этотъ тѣсный домъ, и этотъ низкій сводъ,
Толкни его рукой — онъ поплыветъ.

Онъ поплыветъ и сгинетъ безъ слѣда,
Мгновенно, безъ усилья, навсегда.

Не плачь, не плачь, не страшенъ душный плѣнъ
Колеблющихся и прозрачныхъ стѣнъ.

**
*

О любви, которой больше нѣтъ,
О сгорѣвшихъ дняхъ, о горсти пепла,
О душѣ, что увидала свѣтъ,
И отъ свѣта навсегда ослѣпла.

О любви.... — Молчи душа, молчи,
Привыкай къ нѣмой и томной долѣ,
Привыкай, и сердце пріучи
Къ ночи, одиночеству и боли.

Не надѣйся — непроглядна тьма,
Неподвижна, а за ней другая...
Но глядятъ два тусклые бѣльма,
Пристально, не видя, не мигая,

А изъ нихъ, сквозь слезы, сквозь года,
Сквозь тщету и боль, сквозь клочья дыма,
Свѣтъ — тотъ самый — что сіялъ тогда,
Нестерпимый и неугасимый.

**
*

Храни безстрастныя черты,
Копи надежды и мечтанья,
И обо всемъ, что знаешь ты,
Упорное храни молчанье.

Открытое глазамъ твоимъ
Сіянье гибели и славы
Не открывай глазамъ чужимъ,
И равнодушнымъ и лукавымъ.

Пусть ужасъ твой иль торжество
Чужіе не увидятъ взгляды,
Въ часъ гибели ни у кого
Позорной не проси пощады.

И темную смиряя кровь,
Таи, за тишиной молчанья,
Неутолимую любовь,
Неугасимое сіянье.

**
*

Ты встанешь въ нѣкій часъ отъ сна,
Завѣса разорвется дыма,
И станетъ тайна жизни зрима
И отвратительно ясна,

И въ правду претворится ложь.
И ты не сможешь... — Ты умрешь.

Но будетъ долго тѣнь твоя,
Дрожа въ изнеможенномъ тѣлѣ,
Не зная сна, не видя цѣли,
Бродить межъ камней бытія,

И будетъ повторять слова,
Скучать, и лгать, и улыбаться —
Какъ всѣ — и будетъ всѣмъ казаться,
Что мертвая душа — жива.

***

Проклясть глухой и темный міръ,
Людей, и Ангеловъ, и Бога,
Мерцанье звѣздъ, бряцанье лиръ,
Сіянье у ея порога
Проклясть, и ничего не мочь,
О, даже умереть не въ силахъ!
Изъ смерти въ смерть, сквозь бредъ, сквозь ночь,
Сквозь холодъ, что синѣетъ въ жилахъ,
Сквозь страшныя свои мечты...

⁂

Есть тишина, ей нѣтъ названья,
Ей нѣтъ начала, нѣтъ конца,
И мертвое ея дыханье
Живыя леденитъ сердца.

Есть тишина — невыносимо
Прикосновенье пустоты —
Она, неслышно и незримо,
Ползетъ со страшной высоты.

Небесные колебля своды,
Клубясь межъ звѣздъ и облаковъ,
Въ широкіе вползаетъ входы
И въ щели узкія домовъ.

Тогда, какъ въ ледяныхъ могилахъ,
Тогда, какъ въ непробудномъ снѣ,
Крикъ человѣческій, не въ силахъ
Возникнуть въ мертвой тишинѣ.

Беззвучно шевеля губами
Нѣмъ человѣкъ. И на него
Смерть смотритъ тусклыми зрачками,
Невидящими ничего.

***

Оно исчезаетъ — счастье,
Надежду оставь навсегда.
Такъ, межъ коченѣющихъ пальцевъ,
Ледяная скользитъ вода.

Оно исчезаетъ навѣки,
На одно мгновенье прильнувъ
Къ одинокому, бѣдному сердцу,
Обманувъ его, обманувъ...

Оно исчезаетъ въ туманѣ,
Во слѣдъ ему не кричи —
Оно знаетъ, для сердца земного
Смертельны его лучи.

III

⁂

... А всетаки, наперекоръ всему,
Какъ звѣздный лучъ сквозь пустоту и тьму,

Какъ звукъ струны сквозь шумъ, какъ мысль сквозь сонъ,
Какъ милость сквозь незыблемый законъ,

Слетаетъ къ намъ надежда. Все слабѣй,
Но все-жъ мы можемъ улыбнуться ей.

**
*

Живу какъ всѣ, живу со всѣми,
Не хуже и не лучше всѣхъ,
Неслышно пролетаетъ время
И съ каждымъ годомъ легче бремя
Земного горя и утѣхъ.

Привыкъ къ землѣ, ея тщетою
Доволенъ, какъ и всѣ. — Но вотъ
Какой-то странной теплотою,
Какой-то страшной высотою
Тревога сердце обожжетъ.

Какъ будто вдругъ воспоминанье
О навсегда забытомъ днѣ,
Какъ медленное содроганье,
Какъ еле слышное звучанье,
Возникнувъ, смолкнетъ въ глубинѣ.

И ничего не понимая,
Не въ силахъ вспомнить ни о чемъ,
Руками голову сжимая,
Я плачу о забытомъ раѣ,
О счастьи отнятомъ моемъ.

МУЗѢ.

Исчезла ты изъ бытія,
Растаяла во мглѣ и тлѣньи,
И не дождутся воскресенья
Ни тѣло, ни душа твоя.

Но въ мірѣ тишины и сна,
Гдѣ ты такъ глубоко дышала,
Быть можетъ, только ты одна
Средь призраковъ существовала.

Исчезла ты — и никого...
И пустъ и хладенъ мракъ надмірный,
И только слабый голосъ лирный,
Лишь отзвукъ плача твоего.

**
*

Ты помнишь счастье, что живое билось,
Какъ пойманная ласточка въ рукахъ,
Ты помнишь — море звѣздами свѣтилось,
И звѣзды отражались въ небесахъ.

Ты помнишь міръ огнемъ и чудомъ полный,
Какъ содрогаясь, отрывался онъ
Отъ береговъ и плылъ въ лучахъ какъ сонъ,
Тонулъ въ волнахъ и вновь всплывалъ на волны.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою шли
Не видя смерти и не зная страха,
Уже почти не задѣвая праха,
По самой грани неба и земли.

Ты помнишь ли? Иль ты уже забыла,
Какъ я тебя любилъ, какъ ты меня любила.

**
*

Вотъ ты ушла, уходятъ годы слѣдомъ,
Сливаются съ забвеніемъ и мглою,
За годомъ годъ — въ погоню за тобою...
Пустыненъ путь и страшенъ и невѣдомъ.

Въ погоню безъ надежды и возврата,
Уходятъ тѣни за твоею тѣнью,
Ихъ гонитъ въ ночь тоска недостиженья,
Безумна, безутѣшна и крылата.

Вслѣдъ за тобой, безслѣдно исчезая,
За годомъ годъ — какъ тающія льдины,
Вслѣдъ за тобой, меня навѣкъ покинувъ,
И никогда тебя не настигая.

***

Когда какой нибудь дуракъ
Сквозь вѣщій сонъ, сквозь вѣчный мракъ,
Въ живое сердце пальцемъ тыча,
(Рука въ чернилахъ и крови),
Напишетъ о твоей любви,
Себя при этомъ возвеличивъ,

Тогда ты вспомнишь вновь и вновь,
Погибшую свою любовь,
Угасшее свое волненье,
Сквозь мутную волну тоски,
Почувствуешь ея руки
Чуть слышное прикосновенье.

И, можетъ быть, заплачешь ты
На грязные склонясь листы,
Надъ мертвою своей мечтою, —
И нѣсколько сольется строкъ
Написанныхъ въ короткій срокъ
Короткопалою рукою.

* *
*

Земная жизнь — короткихъ лѣтъ
Неторопливое теченье...
Здѣсь даже звукъ, здѣсь даже свѣтъ
Пропитанъ холодомъ и тлѣньемъ.

День вспыхиваетъ, гаснетъ вновь...
Не вѣрьте, ничему не вѣрьте,
Здѣсь нѣтъ надежды, здѣсь любовь —
Напоминанiе о смерти.

Здѣсь Бога нѣтъ, Онъ гдѣ-то тамъ,
Онъ гдѣ-то — иль нигдѣ — надъ нами,
Не поднимайте-жъ къ небесамъ
Глаза сожженные слезами.

Примите тлѣнъ и нищету
Земли и вмѣстѣ съ ней сгорая,
Все разлюбивъ, все понимая,
Клонитесь молча въ темноту.

**
*

Отъ музыки и отъ вина,
Отъ душнаго дыханья ночи,
Порочныя сіяютъ очи,
Какъ звѣзды ангельскаго сна,

Отъ музыки и отъ вина,
Отъ пѣнія цыганки пьяной,
Ты вновь становишься желанной,
Ты вновь становишься ясна,

Отъ музыки и отъ вина,
Надъ дрогнувшимъ склоняясь міромъ
Ты счастьемъ, вѣрностью и миромъ
Со мною соединена,

Отъ музыки и отъ вина,
Безумною мечтой сіяя...
Какъ будто ты не тварь земная,
А вѣчная моя жена.

***

Такъ съ мышью играетъ кошка,
Гладитъ остренькимъ коготкомъ —
«Помучься еще немножко,
Умереть успѣешь потомъ.

Помучься подъ мягкой лапкой,
Не надѣйся — не отпущу,
Награжу тебя смертью сладкой,
Награжу — когда захочу».

Не могу оторваться отъ взгляда
Зрачковъ твоихъ, нѣжно-пустыхъ,
Звѣрю, тѣни, чудовищу ада
Каждый вздохъ мой и каждый стихъ.

У самаго сердца колетъ
Коготокъ, то слабѣй, то сильнѣй,
Никуда не скрыться отъ боли,
Отъ жестокой и нѣжной воли
Темной души твоей.

***

Никого не любить, ни себя, ни другихъ — никого.
Ничего не хотѣть — даже смерти, не ждать—даже чуда,
Вотъ, отчаянье стало спокойное, какъ торжество,
Стало сердце какъ камень, и камни, и камни повсюду.

Стало сердце какъ камень, а ты говоришь о любви,
Стало сердце какъ камень, а ты говоришь о надеждѣ,
Тѣ-же звѣзды сіяютъ и лгутъ и сіяютъ какъ прежде,
Только сердце какъ камень, а было въ слезахъ и крови.

Надо много вина, чтобъ забыть, чтобъ повѣрить опять,
Надо много вина, чтобы сердце согрѣть ледяное,
За кабацкою стойкой, послѣднее мѣсто земное,
Гдѣ мы можемъ еще улыбаться, любить и мечтать.

Дай мнѣ руку твою на прощанье — ужъ близокъ раз-
свѣтъ,
Гаснутъ души, и звѣзды уходятъ дорогою млечной,
Вотъ, еще одну ночь скороталъ съ пьяной музой поэтъ,
Вотъ, еще одну ночь, а вѣдь каждая ночь — безко-
нечна.

* *
*

Все давнымъ давно просрочено,
Пропито давнымъ давно,
Градомъ бито, червемъ точено,
Свѣтомъ звѣзднымъ сожжено.

Все давнымъ давно раздарено,
Вымѣнено на гроши,
Выкрадено, разбазарено,
Брошено на дно души.

Всѣ законы непреложные
Твердо знаетъ нищета:
Каждая надежда — ложная,
Каждая любовь — не та...

Только смутное томленіе,
Темныя, въ бреду, слова,
Темный сонъ о пробужденіи...
И на самомъ днѣ паденія
Ожиданье торжества.

**
*

Такъ, въ безрадостной страсти сгораетъ холодное
сердце,
Такъ, въ чаду догораютъ послѣдніе дни на землѣ...
Буду вѣчно въ аду въ свою жизнь съ отвращеньемъ
глядѣться,
Будетъ пламя лизать отраженье на мутномъ стеклѣ.

Будутъ вѣчно звучать, вѣчной болью и вѣчною ложью,
Всѣ слова, всѣ стихи — о, какъ мутная гладь глу-
бока! —
Буду снова и съ новой клониться на смятое ложе,
Будетъ снова и снова тоска, и тоска, и тоска.

И послѣднею болью, которой названья не знаю,
И послѣднею ложью, которой названія нѣтъ,
Будетъ тихій, покорный, высокій — какъ будто изъ
рая,
Твой призывъ, — твой далекій, печальный и ласковый
свѣтъ.

**
*

Шампанское, и водка, и абсентъ,
И музыка, и запахъ ресторана —
Затянутая въ смокингъ обезьяна
Старухѣ шепчетъ сальный комплиментъ.

Поетъ цыганъ, а важный метрдотель
Склоняется къ икающимъ влюбленнымъ —
Карману и душѣ опустошеннымъ
Должно быть вреденъ благодатный хмѣль.

Онъ жжетъ огнемъ свинцовыя сердца,
Ихъ прочный міръ шатается и таетъ,
Обломанные когти выпускаетъ
Придушенная совѣсть подлеца.

Уйдемъ, мой другъ, отсюда навсегда,
Мы тоже пьяны, но совсѣмъ иначе...
Уйдемъ скорѣй, иль ты опять заплачешь
Отъ боли, отвращенья, и стыда.

Откроемъ дверь, пусть вѣтеръ пробѣжитъ
По волосамъ, по тихимъ струнамъ лиры,
Пусть міръ иной, страдающій и сирый,
Заблудшихъ насъ и приметъ и проститъ.

***

Уходитъ жизнь, слабѣютъ силы,
И все невыносимѣй жить,
Но голосъ музы, голосъ милый
Не въ силахъ сердце разлюбить.

Все призрачно, все безнадежно...
Но иногда, но иногда,
Далекій голосъ, голосъ нѣжный
Оттуда долетитъ сюда,

И сердце вздрагиваетъ. Жадно
Прислушивается. Едва,
Едва онъ слышенъ. Безпощадный
Шумъ заглушающій слова

Межъ Ней и мною. О, какъ трудно,
Мучительно и сладко мнѣ,
Чуть слышный отзвукъ пѣсни чудной
Въ блаженномъ слушать полуснѣ,

И словъ разорванныхъ на части,
И звуковъ смыслъ возсоздавать,
И тѣни свѣта, тѣни счастья
Во мглѣ и боли прозрѣвать.

***

Уходи навсегда, исчезай безъ слѣда въ темнотѣ
Изъ которой я вызвалъ тебя вдохновеньемъ и страстью,
Я не въ силахъ тебя удержать на такой высотѣ
На такой высотѣ разрывается сердце на части.

На такой высотѣ слишкомъ страшно, и трудно дышать,
Я тебѣ возвращаю свободу, моя дорогая, —
Такъ срываются звѣзды что больше не въ силахъ сіять,
Такъ снижается пламя, въ ночи ледяной догорая.

Я прощаюсь съ тобой, я тебѣ улыбаюсь въ слезахъ,
Я тебѣ улыбаюсь отъ сердца тебя отрывая,
Ты сіяла надеждой въ моихъ безнадежныхъ мечтахъ,
Я прощаюсь съ тобою, любя и уже забывая.

Владиславу Ходасевичу.

Все глуше сонъ, все тише голосъ,
Слова и рифмы все бѣднѣй, —
Но на камняхъ проросшій колосъ
Прекрасенъ нищетой своей.

Одинъ, колеблемый вѣтрами,
Упорно въ вышину стремясь,
Пронзая слабыми корнями
Налипшую на камняхъ грязь,

Онъ медленно и мѣрно дышитъ —
Живетъ — и вотъ, въ осенней мглѣ,
Тяжелое зерно колышетъ
На тонкомъ, золотомъ стеблѣ.

Вотъ такъ и ты, главу склоняя,
Чуть слышно, сквозь мечту и бредъ,
Имъ говоришь про вѣчный свѣтъ,
Простой, какъ эта жизнь земная.

**
*

Моему отцу.

Ты встаешь изъ ледяной земли,
Ты почти не виденъ издали,
Ты еще какъ сонъ — ни тамъ, ни здѣсь,
Ты еще не явь — не тотъ, не весь...
Стискиваю зубы. — Смерти нѣтъ.
Медленно сжимаю сердце. Свѣтъ
Каплями стекаетъ съ высоты.
Явственнѣй видны твои черты,
Но слова твои едва слышны,
Но глаза твои еще мутны,
Будто между нами пролегло
Дымомъ затемненное стекло.
Смерти нѣтъ. Не можетъ смерти быть.
Надо все понять и все забыть.
Страшное усилье. Страшный свѣтъ,
Слабый звонъ... — Ты видишь, смерти нѣтъ!

**
*

Огромные двуглавые орлы
Средь вѣковой, среди россійской мглы.

Безумный царь, въ кольчугѣ боевой,
Взнесенный надъ шипящею змѣей.

Въ глухомъ бреду александрійскій стихъ,
Декабрьскій вѣтръ въ пустыняхъ ледяныхъ,

И плачъ зурны, и крыльевъ легкій взмахъ,
И слезы вдохновенья на глазахъ.

Надменный взглядъ, скрипѣніе пера —
Какъ ловко мечутъ карты шулера.

О, какъ тяжелъ и холоденъ свинецъ
Высокомѣрныхъ и пустыхъ сердецъ.

Усмѣшкою какой кривились рты,
Когда ты навзничь падалъ съ высоты,

Когда въ грязи любовь, въ крови снѣга,
Подъ шпорой щегольского сапога,

Когда уже не измѣнить судьбу,
Когда свинецъ въ боку, мертвецъ въ гробу.

**
*

Иногда, изъ далекой страны,
Изъ моей страны, изъ Россіи,
Какъ будто летя съ вышины
Голоса долетаютъ глухіе.

Прислушиваюсь. — Слабый зовъ,
Иль можетъ быть плачь или пѣнье...
Но только не слышно словъ
Шумъ мѣшаетъ и сердцебіенье.

Но смыслъ, развѣ онъ въ словахъ?
Я все понимаю по звуку —
Отчаянье ихъ и страхъ
И ненависть ихъ и муку.

Я слышу ихъ много лѣтъ,
(Теперь они глуше, чѣмъ прежде).
Въ тьму изъ тьмы, я кричу имъ въ отвѣтъ
О гибели и надеждѣ.

И сливается голосъ мой
Съ голосами глухими народа
Надъ его огромной тюрьмой,
Надъ тѣсной моей свободой.

***

Кричи не кричи, — нѣтъ отвѣта,
Не увидишь — гляди не гляди,
Но все-же ты близко, ты гдѣ-то
У самаго сердца въ груди.

Россія, мы въ вѣчномъ свиданьи,
Однимъ мы усильемъ живемъ,
Твое ледяное дыханье
Въ тяжеломъ дыханьи моемъ.

Межъ нами подвалы и стѣны
И годы, и слезы, и дымъ,
Но вѣчно, не зная измѣны,
Въ глаза мы другъ другу глядимъ.

Россія, какъ страшно, какъ нѣжно,
Въ какомъ неземномъ забытьи,
Глядятъ въ этотъ мракъ безнадежный
Небесныя очи твои.

СТИХИ О СОЛОВКАХЪ.

Они живутъ — нѣтъ умираютъ — тамъ
Гдѣ льды, и льды, и мгла плыветъ надъ льдами,
И смерть изъ мглы слетаетъ къ ихъ сердцамъ
И кружитъ, кружитъ, кружитъ надъ сердцами.

Они молчатъ. Снѣгъ заметаетъ слѣдъ —
Но въ мірѣ нѣтъ ни боли, ни печали,
Отчаянья такого въ мірѣ нѣтъ,
Котораго-бъ они не знали.

Дрожа во мглѣ и стужѣ, день и ночь,
Ихъ сторожитъ безуміе тупое,
И нѣтъ конца и некому помочь,
И равнодушно небо ледяное.

Но для того избралъ тебя Господь,
И научилъ тебя смотрѣть и слушать,
Чтобъ ты жалѣлъ терзаемую плоть,
Любилъ изнемогающія души.

Онъ для того тебя оставилъ жить,
И наградилъ свободою и лирой,
Чтобъ могъ ты за молчащихъ говорить
О жалости — безжалостному міру.

***

Медленно бредетъ людское стадо,
Легкій жребій тяжело влача, —
Рая нѣтъ, но и не будетъ ада,
Грубый окрикъ, легкій взмахъ бича,

Это есть и это вѣчно было, —
Трудъ и сонъ, а по веснѣ любовь,
Эй, Пастухъ, всей этой темной силѣ
Хлѣвъ и кормъ и бойню приготовь.

Эй, Пастухъ, ты — знаю, не отвѣтишь,
Слушай-же... — Но ужъ летятъ съ высотъ
Равнодушные удары плети,
Злобно косится покорный скотъ —

«Вотъ еще одинъ, порядокъ стадный
Смѣетъ — безразсудный — нарушать,
Всѣхъ такихъ, чтобъ не было повадно,
Надо-бы копытомъ растоптать!»

**
*

Вызывая ужасъ и смѣхъ,
Онъ грядетъ сквозь кадильный дымъ,
Средь живыхъ и средь мертвыхъ всѣхъ
Двѣнадцать идутъ за Нимъ.

Но каждый глядитъ тайкомъ
Въ окно, въ Его вышину... —
Но развѣ бросишь свой домъ,
Свой гробъ и свою жену?

Не бросишь! — Распни Его,
Осанна Ему въ вѣкахъ —
Отчаянье и торжество
Въ мертвыхъ Его глазахъ.

Прикинувъ и такъ и сякъ,
Душа успокоившись спитъ,
А въ кружкѣ мѣдный пятакъ
Объ ея спасеньи звенитъ.

**
*

Не пора-ль развѣять скуку, —
Медленно сжимая руку,
Погрозить своей судьбѣ,
Чтобъ тоску разсѣять злую,
Горло перервать буржую
(Или самому себѣ?..)
Не пора-ль, въ концѣ безславномъ,
Стать рабамъ разумнымъ равнымъ,
Жить и думать какъ они,
Напитавъ свою утробу,
Завистью, деньгой и злобой
Озарить пустые дни.
Вдохновенье и мечтанье,
Сытымъ счастьемъ обезьяньимъ
Не пора-ли замѣнить?
Не пора-ль прибавить жиру
И, разбивъ о камень лиру,
Камнемъ въ небо запустить.
Чтобы быть какъ всѣ, какъ эти
Темныя и злыя дѣти —
Все предать и все принять,
И о жизни прошлой, смутной,
О высокой, о безпутной
Никогда не вспоминать.

***

Не стоило такъ долго жить,
Такъ много знать, такъ много видѣть
Чтобъ видѣнное разлюбить
Любимое возненавидѣть.

Не стоило. — Не возражай,
Не спорь — ты знаешь цѣну слова,
Себя надеждой не смущай
И ложью не прельщай другого.

Средь темныхъ душъ, и словъ, и числъ,
Въ небесное глядись сіянье
(Единственный быть можетъ смыслъ!)
Земное дли существованье,

Не для того, чтобъ что-то вдругъ
Понять или простить кому-то,
(Все прощено, мой нищій другъ...)
Но дли, чтобъ отдалить минуту

Прощанія, вотъ съ этимъ всѣмъ
Ничтожнымъ и прекраснымъ міромъ,
Гдѣ въ шумѣ умолкала лира
Ненужная ему совсѣмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.
Нѣтъ тебя счастливѣй на землѣ 5

I.

Отъ безсмысленныхъ дней, отъ безсонныхъ ночей 9
Никакими словами, никакими стихами 10
Пиши стихи, за это ты 11
Разбрасывать и собирать слова 12
Смотри не отрываясь, дни и ночи 13
Ты прожилъ жизнь, а каждый годъ какъ вѣкъ 14
Въ томленьи смертномъ, на смятой постели 15
Наединѣ съ самимъ собой 16

II.

Въ полночный часъ, когда луна 19
Стихи о звѣздѣ 21
Расцвѣтаетъ любовь надъ болѣзнью и надъ нищетой .. 22
Огромный міръ объятый мглой и сномъ 23
Семь буквъ, три слога, слово, имя — ты 24
Какъ высказать тебя любовь 25
Если ты любишь кого нибудь больше себя 26
О тяжеломъ неизбывномъ горѣ 27
Не плачь, не плачь все это сонъ и бредъ 28
О любви, которой больше нѣтъ 29
Храни безстрастныя черты 30
Ты встанешь въ нѣкій часъ отъ сна 31
Проклясть глухой и темный міръ 32
Есть тишина, ей нѣтъ названья 33
Оно исчезаетъ, счастье 34

III.

А всетаки, наперекоръ всему 37
Живу какъ всѣ, живу со всѣми 38
Музѣ 39
Ты помнишь счастье, что живое билось 40
Вотъ ты ушла, уходятъ годы слѣдомъ 41
Когда какой нибудь дуракъ 42
Земная жизнь — короткихъ лѣтъ 43
Отъ музыки и отъ вина 44
Такъ съ мышью играетъ кошка 45
Никого не любить, ни себя, ни другихъ — никого 46
Все давнымъ давно просрочено 47
Такъ въ безрадостной страсти сгораетъ холодное сердце 48
Шампанское, и водка, и абсентъ 49
Уходитъ жизнь, слабѣютъ силы 50
Уходи навсегда, исчезай безъ слѣда въ темнотѣ 51
Все глуше сонъ, все тише голосъ 52
Моему отцу 53
Огромные, двуглавые орлы 54
Иногда, изъ далекой страны 55
Кричи не кричи, нѣтъ отвѣта 56
Стихи о Соловкахъ 57
Медленно бредетъ людское стадо 58
Вызывая ужасъ и смѣхъ 59
Не пора-ли развѣять скуку 60
Не стоило такъ долго жить 61

Imprimerie VAL, 124, rue Compans, Paris 19e.

Складъ изданія:

« Д О М Ъ К Н И Г И »

9, ***rue de l'Eperon, PARIS*** 6[e].